

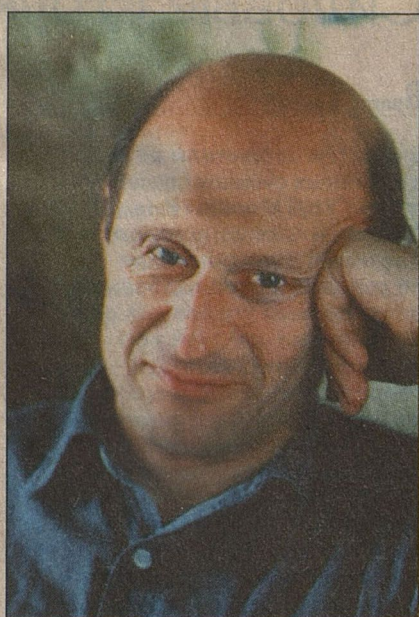
Мелихов Александр

290904

АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ: «Наркомания – высшая степень разложения личности»

МАРИЯ КОРМИЛОВА

Среди претендентов, вошедших в этот год в «лонг-лист» престижной российской литературной премии «Букер», – петербургский писатель Александр Мелихов с романом «Чума», посвященным проблемам наркомании. О поколении, пораженном этим недугом, о людях, с которых были «списаны» герои «Чумы», МЕЛИХОВ рассказал в интервью «Новым Известиям».

– В вашем романе очень четко прописано поведение молодых наркоманов, их специфический сленг. Как вы, серьезный солидный писатель, входили в эту тему?

– К сожалению, этого было много вокруг меня. Что-то я видел на улицах и в подворотнях, что-то похожее происходило у моих знакомых или даже у моих родственников. К тому же я много общался с врачом Вячеславом Львовичем Ревизиным, который сейчас руководит службой профилактики наркомании несовершеннолетних. Был в его Центре, видел пациентов. Я знаю реальную историю, когда девочка-наркоманка выносила вещи из дома, поэтому мать все ценное заперла от нее в шкаф. Например, у матери была шуба, на которую она копила много лет, работая страховым агентом. Каждый вечер она проверяла этот шкаф – тот был заперт, и мать была довольна. Наконец наступила зима, и выяснилось, что шкаф пуст. Потому что девочка отодвинула его от стенки при помощи своего друга. Вместе они сняли заднюю фанерную стенку, вытащили все, что там было, и поставили обратно.

– Раз вы так часто сталкивались с наркоманией, наверняка можете судить, насколько ситуация в Петербурге отличается от московской?

– Я хотел бы думать, что у вас этого меньше. Действительно был бы рад за Москву. Но боюсь, что это не так. Совсем недавно я заезжал в московскую редакцию журнала «Знамя» и, проходя мимо Лубянской площади, видел, как там абсолютно свободно торговали наркотиками. Может быть, вам просто повезло, что вы с этим не сталкивались. И дай Бог, чтобы везло и дальше.

– В романе есть строки, где говорится, что наркомания – это следствие скуки поколения, скуки, которой раньше, видимо, не было. Это мысль ваша или вашего героя?

– Конечно, я как эссеист не могу делать настолько общие выводы. В уста героя обычно вкладываешь несколько упрощенную идею. Но в целом это так. К теме наркомании я уже обращался в своем предыдущем романе. Уже там мой герой приходит к мысли, что наркомания – это высшая степень разложения личности. Она заменяет в людях массовое опьянение идеями. И человек становится даже не животным. Животные выживают благодаря своим когтям и зубам. А человек может выжить, только если он опьянен своими грезами. В каком-то смысле существование без идеи – это самоуничтожение, мастурбационная культура, не ведущая ни к какому результату. К тому же у врачей-наркологов есть теория коморбидной патологии. Речь о том, что большинство молодых людей, которые употребляют наркотики, до этого имели какие-то психические отклонения. Одно накладывается на другое. Именно поэтому я своего героя-наркомана Юрку делал предельно обаятельным. И вот когда он сидит уже опустошенный и опрыскавшийся, он говорит: «Играть стало не во что».

– А когда вам было двадцать лет, вы чувствовали свою жизнь наполненной, а себя опьяненным какой-то идеей?

– Конечно, и не одной! Я просто ни минуты не был трезвым от этих своих идей. У нас таких целей было много. Во-первых, наука. Физика для нас была наукой будущего. Во-вторых, спорт. Все старались качаться, поднимали какие-то штанги и постоянно подбегали к зеркалу – посмотреть, успели ли вырасти мышцы?! В-третьих, романтика, идеи свободы.

Александр МЕЛИХОВ родился в 1947 году в городе Россошь Воронежской области. Окончил механико-математический факультет ЛГУ. Работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Публиковаться начал в конце 70-х годов. Автор книг прозы «События и открытия», «Так говорил Сабуров», «Дары нищего», «Эрос и Танатос, или Вознагражденное послушание», «Изгнание из Эдема. Исповедь еврея», «Горбатые атланты», «Роман с простатитом», «Высокая болезнь». Заместитель главного редактора журнала «Нева». Член Русского ПЕН-центра и Союза российских писателей. Лауреат Набоковской премии Союза писателей Санкт-Петербурга и премии Петербургского ПЕН-клуба. Был включен в «шорт-лист» премии «Букер-2002» с романом «Любовь к отеческим гробам».

– Ваш сын Павел – тоже писатель. Насколько отношения героя с сыновьями списаны с вашей собственной семьи?

– Не слишком сильно. Мой старший сын Павел действительно писатель, закончил мехмат. Мы с ним часто что-то друг другу показываем, иногда советуемся. И последнюю его вещь я считаю достаточно крепкой. В молодости и детстве он всегда был склонен к меланхолии, к чтению, одиноким прогулкам. Неприятностей не доставлял. А вот младший Петр – социолог. И у него довольно много публикаций на тему наркомании. Он как раз был очень живой, всегда полон планов. Одновременно учился играть на гитаре, рисовать, лазал по крышам, поджигал что-то. Отдельные его черты я, наверное, дал герою-наркоману Юрке. Но сейчас мой сын относительно солидный человек, много работает по всяким грантам, заканчивает диссертацию и к буйству не склонен.

– Вы в позапрошлом году входили в «шорт-лист» премии «Букер». Насколько азартно сейчас следите за решением жюри?

– По поводу премий могу ответить почти манифестом. Как всякий писатель, я хочу успеха. Однако слова «писатель» и «успех» я понимаю очень несовременно. Писатель для меня – человек, для которого нет ничего важнее его грез. А успех – это вовлечение в его грезы большого количества единомышленников. Так вот, истинный успех писателя – это обретение бессмертия. И премии меня занимают лишь в той степени, в какой они служат этой цели. Они действительно расширяют круг читателей. И какая-то часть из них в принципе может оказаться способной грезить вместе со мной. Но это нужно не мне, а моим грезам. Которые, впрочем, и есть главная часть меня. Поэтому когда мой предыдущий роман «Любовь к отеческим гробам» попал в Букеровский шорт-лист, а последний роман «Чума» получил премию имени Гоголя, я был доволен за свои грезы, поскольку это повышает их шанс на выживание. Может быть, даже и на бессмертие, но в это я не верю.

– В Москве много говорят о бедности петербургских литературных премий. Вы сами ощущаете неравенство столиц?

– Конечно, да. Но зато в Москве ни одна премия не может обойтись без пышных торжественных обедов. А у нас все уютно, почти по-домашнему. И мне гораздо больше нравится, что во время награждения в Петербурге можно не надевать галстук. Хотя я бы его и так не надел.

319